

32.220К

ВЕЛИКАЯ
ГУЛЯЛА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
по России
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Война

ВЕЛИКАЯ

ГУЛЯЛА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

по России

В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Центр книги Рудомино
Москва / 2015

44

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Эта книга, выходящая в канун праздника великой победы нашего народа в войне с фашизмом, не только дань глубочайшего уважения тем, кто принес миру освобождение от «коричневой чумы», но и побуждение ко всем нам задуматься над уроками истории и не допустить повторения того страшного, что в ней было. Эта книга — не только память и воспоминание о самой лютой войне прошлого столетия, но и предупреждение о возможности новых, может быть еще более грозных испытаний, которые ждут человечество. Потому и возникает необходимость оглянуться назад, в двадцатый век, и увидеть, услышать тех, кто нам раскрыл правду о Великой Отечественной. И здесь мы неизбежно выходим на самый правдивый документ, где запечатлена эта правда. На поэзию.

Поэзия — документ? Нет ли здесь противоречия? Нет, если под документом понимать не только фактическую точность, но интеллектуально-эмоциональную достоверность восприятия. Именно поэзия, начиная с первых дней войны, стала создавать ее подлинную историю (вспомним гениальную «Священную войну»), включая в себя все многообразие настроений сражающегося народа. Поражает масштаб этой поэзии, который со временем все более расширился. Здесь и наши великие поэты (А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Твардовский), и ставшие знаменитыми в годы войны (К. Симонов, А. Сурков, О. Берггольц). Здесь и поэты так называемого «фронтowego поколения» (С. Орлов, А. Межиров, М. Луконин, М. Дудин), чей голос будет по достоинству оценен уже после войны.

Поэт Н. Майоров, выходец из Ивановского края, в 1942 г. погибший, впоследствии обретший общероссийскую известность, еще в 1940 г. написавший потрясающее стихотворение «Мы», может быть, раньше других

понял, что в этой войне его поколение будет поставлено под смертельный удар и надо успеть сказать нечто главное о тех, кого завтра может не быть. Дерзновенна его попытка еще до войны говорить от имени ушедших, веря при этом в бессмертное «мы», ибо «И как бы ни давили память годы, / Нас не забудут потому век, / Что, всей планете делая погоду, / Мы в плоть одели слово “человек”». Майоров запечатлел здесь древнюю коллизию разговора павших с теми, кто остался жить. Этот диалог живых и мертвых впоследствии будет постоянно присутствовать в поэзии о войне. Вспомним хотя бы голос *оттуда* из стихотворения А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», где будет продолжена внутренняя тема майоровского «Мы».

Но даже Майоров и его талантливые друзья с их поразительной чуткостью будущего не могли представить масштаба разразившейся войны. Как писал один из исследователей творчества «юношей 41-го года»: «Они не могли представить себе, что будут возможны горькие месяцы отступления, что фашисты будут бесчинствовать на нашей земле, что в Берлин придется идти не от Бреста и Перемышля, а от Химок и Новороссийска. Они бесстрашно смотрели в лицо самой жестокой судьбе, если это касалось их лично, но не могли думать, что это будет испытание для страны, для народа». Вершилась действительно «народная, священная война», итог которой зависел от всех и каждого. И «военная» поэзия с потрясающей силой доносит до нас чувство всеобщности существования в грозное лихолетье. Кровь, смерть, грязь, жестокость, насилие, гибель детей... Все это есть в этой поэзии. Но здесь же запечатлен и «выпрямительный вздох» человека Великой Отечественной. Он знал, за что воюет и *за что* отдает жизнь.

Жизнь на войне — это часто жизнь *сверх меры*, концентрация всех физических и духовных сил, сжатых в одно движение, в какие-то «полмига». Поэты, особенно те, кто изнутри познал военный, окопный быт, рассказали о нем как «об опасной и страшной работе» (В. Жуков), которую нельзя понять «со стороны», умозрительно. Сила поэтического слова в том и заключается, что

она дает нам возможность хотя бы на миг почувствовать себя на месте тех, кто вступил в единоборство со смертью, оставаясь при этом человеком, даже если с «растрелянным сердцем».

Здесь необходимо сказать о сквозном образе поэзии фронтового поколения: образе фронтового братства. Той особой общности людей, которая поддерживает в самые критические моменты жизни. Это братство на крови. Это товарищество, которое непременно включает память об ушедших. В замечательном стихотворении С. Гудзенко «Мое поколение», написанном в конце войны, голос поэта сливается с голосами тысяч погибших.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.

И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.

Грядет победное будущее. Можно говорить о сбывающейся мечте поколения. Стихотворение Гудзенко кончается такими строками:

А когда мы вернемся, — а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы, —
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным пострадавшим людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем —
всё долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.

Однако мирное будущее оказалось совсем не таким. В официальной прессе все в большей мере укоренялась мысль, что не стоит смущать народ трагической памятью о войне. Это мешает продвижению к будущему. Многие из нас еще помнят послевоенные рынки с безногими, безру-

кими фронтовиками-инвалидами и преступно-пренебрежительное к ним отношение со стороны власти. То, о чем, сидя в гулаговском лагере, пронзительно написала Анна Баркова в своем стихотворении «Чем торгуешь ты, дура набитая...». Конечно же, эти стихи стали известны лишь спустя почти сорок лет после их создания. Фактически сразу после войны был запрещен текст стихотворения М. Исаковского «Враги сожгли родную хату». Очень долго пробивались в печать стихи Б. Слуцкого, Д. Самойлова, А. Тарковского, Н. Панченко, содержавшие новое слово о войне.

В стихах поэтов 1950–1980-х годов война не только не отдалась, но стала еще зримей, еще подробней. Тоньше стал психологический рисунок. Вспомним «Сороковые» Д. Самойлова, «Лошади в океане» Б. Слуцкого. И вот, что существенно, — у поэтов фронтовой судьбы все более крепнет мотив «невольной вины» перед теми, кто с войны не вернулся. Мотив, который так горестно прозвучал у позднего Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

И вместе с этим во многих стихах о войне мы можем услышать ноту особого рода ностальгии по утраченному времени войны (А. Межиров. «Музыка»):

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка во всем,
Всем и для всех — не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

С некоторых пор любимыми «постмодернистскими» словечками стали: демифологизация, деконструкция. За ними — желание разрушить, отвергнуть сложившиеся представления, вывернуть наизнанку прежние смыслы и тем самым доказать: все относительно, абсолютных ценностей не существует. Согласно этому, и Великая Отечественная — тоже не более как миф, подлежащий «деконструкции». И нашлись ведь ретивые политики, деятели искусства и литературы, которые двинулись в сторону этого «де». Но ничего у них не получается и не получится. Почему? Потому что, как сказано в одной хорошей песне на слова Е. Винокурова: «Но помнит мир спасенный, / Мир вечный, мир живой / Сережку с Малой Бронной / И Витьку с Моховой». Потому что не только «дети войны», но и их дети и внуки знают, кому они обязаны своей жизнью. Доказательством этого опять же может явиться поэзия тех, кто идет вслед за отцами и дедами. Для нас, создателей этой книги, было принципиально важно представить человеческую и поэтическую преемственность поколений в осмыслении Великой Отечественной войны.

Поэты, чье детство падает на военные и первые послевоенные годы, всегда считали тему войны своей личной темой, и их стихотворные свидетельские показания, связанные с детской памятью, их эмоциональная непосредственность дорогого стоят. Об этом — стихотворение Ю. Кузнецова «Возвращение», посвященное памяти убитого на войне отца:

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки не дне сундука —
Фронтвые.

Всякий раз, когда мать его ждет,
Через поле и пашню
Столб клубящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

Лучшие стихи о войне, написанные поэтами послевоенной поры, уже стали поэтической классикой. Это «Свадьбы» Е. Евтушенко, «Гойя» А. Вознесенского, «Русский огонек» Н. Рубцова, «На смерть Жукова» И. Бродского. Перечислены далеко не все.

Можно ли, к примеру, забыть о маленькой деревеньке со смешным названием «Утиные Дворики», о которой так пронзительно писал А. Жигулин:

Малыш хворостиной играет у хаты.

Утиные Дворики...

Вдовья беда...

Всё мимо

И мимо проходят солдаты.

Сюда не вернется никто никогда...

Корявые вербы качают руками.

Шуршит под копной одинокая мышь,

И медленно тают в белесом тумане

Одиннадцать мокрых

Соломенных крыш.

Но не только бедой, страданием окрашены стихи «детей войны». В них врывается и окрыляющее чувство победы, заставляющее ощутить свое существование как частицу великого народного единства.

В этом разделе нашей книги, как и в первом разделе, заключительную часть представляют стихи поэтов, связанных с Ивановским краем. Кого-то из них уже нет в живых (Г. Серебряков, В. Смирнов, А. Хромов, Е. Готов).

Одно из самых сильных стихотворений Г. Серебрякова посвящено фронтовикам — «О, где мальчишкам мужества набраться?..»:

Они о культе личности не знали,

Да и откуда знать они могли?

Им это имя было словно знамя,

Они сквозь сто смертей его несли.

Так, может, зря?

А если б перестали
Солдаты верить в правду и в него?
Тогда б без этой веры даже Сталин
Не значил ровным счетом ничего.

В стихах ивановских поэтов (и вышеперечисленных, и идущих вслед за ними) много автобиографического, связанного с родными и близкими, знающими о войне не понаслышке. Ян Бруштейн, родившийся в победный год в Ленинграде, пишет стихи, пытаясь понять, что давало силы жить в обреченном на смерть городе — и как это отозвалось на дальнейшей судьбе блокадников. Трогательно и беспощадно правдиво его стихотворение «Сухари», которое начинается так:

А бабушка сушила сухари,
И понимала, что сушить не надо,
Но за ее спиной была блокада,
И бабушка сушила сухари.

И над собой посмеивалась часто:
Ведь нет войны, какое это счастье,
И хлебный рядом, прямо за углом...
Но по ночам одно ей только снилось —

Как солнце над ее землей затмилось,
И горе, не стучась, ворвалось в дом.

На протяжении многих лет не уходит война со страниц поэтических книг Л. Щасной, чье творчество продолжает лучшие традиции замечательной «женской» поэзии XX века. Достаточно вспомнить имена А. Ахматовой, О. Берггольц, Ю. Друниной... Вот и душевная хрупкость лирической героини ивановской поэтессы готова обернуться особым рода мужеством, когда речь заходит о силах, несущих разрушение, попирающих человеческое достоинство. И здесь, конечно, дает о себе знать память о Великой Отечественной («Детство»):

Мы были серыми, как соль,
А соль — на золото ценилась.
В людских глазах застыла боль.
Земля дрожала и дымилась.
Просили, плача: «Мама, хлеба!»
А мама плакала в ответ...

Суровый колорит этих поэтических строк отмечает многие стихи, принадлежащие сверстникам Л. Щасной. Оно и понятно. Кто из детей той поры не просил: «Мама, хлеба!» Кто не вздрагивал при звуке бомбежки... Но только ли это свидетельство военного детства? Стихотворение кончается такими строками:

Так жили мы, не зная сами,
Чем обделила нас война.
И материнскими глазами
В глаза смотрела нам страна.
Мы были бережно хранимой
Ее надеждой в горький час —
И свет, и соль земли родимой,
И золотой ее запас.

Закончим эту статью словами Л. Щасной, обращенными к памяти поэтов фронтового поколения: «Хочется крикнуть из нашего неустойчивого, сомневающегося во всем времени *туда* — в то прошлое, из которого погибший поэт Николай Майоров все время ведет диалог с потомками [...]: «Мы помним! Мы знаем! Мы любим! Мы не пустим по ветру ваш подвиг! Мы передадим несгорающую память о вас как эстафету в будущее!»

Леонид Таганов

«ВОЙНА

УЧАСТВУЕТ

ВО МНЕ...»

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

МЫ

*Это время
трудновато для пера.*

Маяковский

Есть в голосе моём звучание металла.
Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым.
Не всё умрёт, не всё войдёт в каталог.
Но только пусть под именем моим
потомок различит в архивном хламе
кусок горячей, верной нам земли,
где мы прошли с обугленными ртами
и мужество, как знамя, пронесли.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
железом обозначены следы, —
так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жён!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
где нашей жизни ход изображён.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
о людях, что ушли, не долюбив,
не докурив последней папиросы.

Когда б не бой, не вечные исканья
крутых путей к последней высоте,
мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
в столбцах газет, в набросках на холсте.

Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.

И шли вперёд, и падали, и, еле
в обмотках грубых ноги волоча,
мы видели, как женщины глядели
на нашего шального трубача,
А тот трубил, мир ни во что не ставя
(ремень сползал с покатого плеча),
он тоже дома женщину оставил,
не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень твёрд, уступы каменисты,
почти со всех сторон окружены,
глядели вверх — и небо было чисто,
как светлый лоб оставленной жены.

Так я пишу. Пусть не точны слова,
и слог тяжёл, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда зноем выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
он нами пройден, пройден до конца,
и хорошо, что руки наши пахнут
утрюмой песней верного свинца.

И как бы ни давили память годы,
нас не забудут потому вовек,
что, всей планете делая погоду,
мы в плоть одели слово «человек»!

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навывтяжку и приоткрыв гробы, —
Мы слышим гром предугрненной пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

